

1(4)

ЯНВАРЬ

2003

СОВМЕСТНОЕ
ИЗДАНИЕ
СВЯТО-
ПЕТРОВСКОГО
БРАТСТВА
(САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ)
И
ВОСКРЕСЕНСКОГО
БРАТСТВА
(МОСКВА)

в газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

ФУНДАМЕНТАЛИЗМ ПРОТИВ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Избегнут ли политики религиозного противостояния, отождествив традицию и фундаменталистскую идеологию?

Похоже, что возвращение религиозного фактора в общество в виде фундаментализма не очень беспокоит российских политиков. Они замечают его исключительно как «импортную» угрозу, напрямую не связанную с религией. В этом смысле показателен ответ Владимира Путина на вопрос об исламских экстремистах в Чечне. «Сегодня многие страны сталкиваются с проблемой терроризма, террористы прикрываются исламскими лозунгами. Эта проблема заброшена к нам извне. Это либо фанатики, либо наемники, которые прикрываются исламом, люди без корней», — сказал президент, отвечая на вопросы телезрителей по «прямой линии» общения с телезритателями.

С ним солидарен и бывший премьер Евгений Примаков. В своей последней книге «Мир после 11 сентября» он решительно разводит экстремизм и ислам. Понятно, что цель этой риторики прежде всего в том, чтобы избежать религиозного противостояния, сохранить религиозный мир в стране. Однако не может не настораживать то, что в контексте подобных заявлений фундаментализм, на который опираются террористы, предстает некой невинной овечкой. Нередко его просто приравняют к традиционным ценностям, «к корням». В книге Примакова это происходит так: «Исламский фундаментализм может окончательно отторгнуть от себя экстремистское направление и перейти в исламскую демократию, соседствующую с

традиционными ценностями».

Сегодня «традиционные ценности» воспринимаются в общественном сознании как явление сугубо положительное. Для кого-то это — рождественский гусь с яблоками, для кого-то — ханукальные свечи. Эти и прочие элементы традиции приносят в жизнь необходимое разнообразие, помогают идентифицироваться, иногда, может быть, становятся первой ступенькой к вере.

Понимая это, мы должны в то же время ясно осмыслить, что фундаментализм далек от подлинной традиции, от богословских глубин той веры, на которой паразитирует. В одну упряжку с настоящими «традиционными ценностями» его не впрячь. И прокатиться в такой упряжке не удастся.

Террористы, атаковавшие американские небоскребы или захватившие «Норд-Ост» в Москве, были людьми, безусловно, верующими. Верующими фундамента-

Корнелий Массейс. Слепые

листами. Это факт. Как является фактом и то, что радикальный ислам объявил войну западной цивилизации. В этой войне у него находится немало союзников среди представителей других религий. И ничего удивительного в этом нет, ибо религиозный фундаментализм характеризуется прежде всего болезненной закрытостью.

В России фундаментализм расцвел пышным цветом на почве православия. Чтобы убедиться в этом, достаточно послушать радиостанцию «Радонеж» или, скажем, заглянуть на сайт Сретенского монастыря. Однако в отличие от исламских собратьев православные фундаменталисты с каждым годом усиливают в нашей стране свое влияние. Они лоббируют свою идеологию в официальных структурах под вывеской «традиционных ценностей», и власти, может быть, не всегда отдавая себе в этом отчет, используют наработки церковных радикалов.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить пресловутый доклад Кадырова-Зорина о религиозном экстремизме, в котором использованы риторические обороты фундаменталистов. Или многочисленные региональные конференции с участием псевдомиссионеров от православия и сотрудников МВД, где с жаром обсуждаются силовые меры по ограничению деятельности новых религиозных организаций. Примеры легко продолжить.

Одновременно фундаменталисты пытаются уничтожить все живое внутри церковной ограды. Логика их при этом вполне ясна: вбить в общественное сознание мысль о том, что именно они являются представителями аутентичной традиции и вправе от лица православия озвучивать те или иные мнения.

Мнения эти порой звучат анекдотически. Так, радикалы отправили на скамью подсудимых книги о Гарри Поттере, обвинив автора нехитрого литературного чтива в пропаганде оккультизма. Да что там Гарри Поттер! С легкой руки некоторых «сугубо православных» литературоведов тщательной проверке на правосмыслие подвергается вся русская классическая литература, и нам могут подробно рассказать, что не доработал Гоголь и не додумал Достоевский. Надо всем этим можно было бы смеяться, и нужно смеяться, ибо смех — это оружие. Но все-таки не будем забывать, как часто в истории то, что воспринималось как откровенная клоунада, заканчивалось трагедией.

Борис КОЛЫМАГИН

МЫ ВСТРЕТИМСЯ ТАМ, ГДЕ НЕТ ТЬМЫ

«Сказано это было тихо, как бы между прочим — не приказ, просто фраза. Любопытно, что тогда, во сне, большого впечатления эти слова не произвели. Лишь впоследствии, постепенно приобрели они значительность».
Дж. Орзулл. «1984»

Удивительные слова, обманувшие в свое время ищущего связи с таинственным Братством оруэлловского героя, обещание, сбывшееся в пронизанных светом никогда не выключаемых ламп подвалах тайной полиции — одна из самых цемных находок знаменитой антиутопии. Надежда на встречу, звучащая в этой фразе, выражает одно из главных стремлений любой живой человеческой души, мотив, на который невозможно не откликнуться. И мы вновь и вновь откликаемся на него, даже рискуя ошибиться.

Мир, в котором мы живем, дает нам множество поводов усомниться в реальности этой надежды. Не столько страшные, сколько пародийные встречи, которые вовсе не встречи, и братства, не имеющие ничего общего с духом братства, окружают нас на каждом шагу.

Сколько надежд, скажем, связывалось лет двенадцать назад с движением православных братств, с возникшим между ними союзом! И как быстро оказалось, что большинство из них — националистические, монархические и прочие политические организации, не имеющие ничего общего с православием. Многие вспыхнули

однодневками и тут же погасли, другие превратились в ком-мерческие организации (не так давно мне пришлось с удивлением услышать звание «генеральный директор братства»!). Встречи не получилось — ни между братствами, ни между потянувшимися к ним людьми.

И это, и множество других разочарований, ставших реальностью не только общественной, но и церковной жизни постсоветской России, могут заставить с горечью решить, что та главная Встреча, которая произошла в жизни каждого верующего человека и без которой сама вера была бы невозможна, неспособна воплотиться во встречу между людьми, стать реальностью видимого братства объединенных общей верой людей. Многие сегодня с тоской ищут в церкви общения, общины, братства — и не находят. Те же, кто без мучительных поисков, волей судьбы оказался в такой общине с самого начала своей церковной жизни, часто, наоборот, не ценят этого удивительного дара и легко его теряют. Мы оказываемся не в состоянии жить тем духом христианского братства, который изначально был присущ жизни церкви.

Есть праздник, называющийся в русской православной традиции удивительным словом — Сретение, то есть «встреча» (в западно-христианской традиции воспоминание этого же события церковного года называется Presentation, что условно можно было бы перевести как «торжественная церемония представления»). Праздник Сретения — это встреча не только Ветхого и

Нового заветов, не только обетованного Младенца Христа с пророком Симеоном, но и собравшихся вокруг этого события людей. И потому и этот образ, и этот праздник так дороги каждому, кто откликнулся на Божий призыв и вышел навстречу друг другу.

Конечно, можно подменить встречу «благочестивым мероприятием», а братство — «благочестивой организацией» (неслучайно с самим именем «Сретенский» в церкви связаны очень разные по внутренней направленности явления). Можно обмануться или, наоборот, не поверить правде, не увидеть ее, можно, даже узнав ее, от нее уйти, искренне решив, что «в этот момент все разошлись в разные стороны». Но мы ведь не беспомощны перед лицом окружающих нас псевдоморфоз — обманных образов подлинной, где-то существующей реальности. В самой глубине нашего сердца есть связь с Тем, Кто всегда может помочь отличить правду от ее искажений, ибо Он Сам — Истина, и нет в Нем никакой лжи. И если мы прислушаемся к Его голосу, надежда на встречу друг с другом уже здесь и сегодня станет радостью, светом и смыслом жизни там, где нет никакой тьмы, а только Истина и Жизнь. Этот дар будет дан нам, и мы не только сможем стать участниками Сретения, но и должны будем остаться его свидетелями — и перед лицом отрицающего саму возможность встречи обезбоженного мира, и перед лицом потерявшей полноту общинной и братской традиции современной церковной действительности.

Иван ПЕТРОВ

АНОНС:

Этот номер посвящен, прежде всего, вопросу различения истинного и ложного в современной церковной жизни. О разных сторонах этой проблемы говорят в неявном внутреннем диалоге статьи **Бориса Колымагина (стр. 1)**, **Дмитрия Матвеева и Александра Копировского (стр. 2)**.

Встреча, которая становится до конца подлинной лишь в Церкви, общение и общинность, проблемы жизни братств — также одна из «сквозных» тем номера, она затронута и в размышлениях **Ивана Петрова (стр. 1)**, и в интервью священника **Георгия Кочеткова и Дмитрия Гасака (стр. 4-5)**, и в разнообразных материалах, посвященных **детским рождественским праздникам (стр. 8)**.

Целую полосу мы смогли отвести в этот раз письмам наших читателей. На стр. 7 можно познакомиться с откликами на материалы первых номеров газеты.

И, наконец, на стр. 6 можно вместе с автором «Вопросов к Дионисию» в живом диалоге обратиться к истории.

К СТАТЬЕ «СОБОР НЕРУШИМЫЙ»

КОММЕНТАРИЙ ПЕТЕРБУРГСКОГО РЕДАКТОРА

Меня очень уязвил тот факт, что в 1940-м финны, отступая, не бросили ни одного человека из 400 тысяч жителей Карельского перешейка.

Ради этих людей был проведен передел собственности. В Финляндии не было проблемы беженцев. Может быть, стоит повнимательнее отнестись к опыту северного соседа? Ведь это единственный уголок России, где не было революции.

КОММЕНТАРИЙ МОСКОВСКОГО РЕДАКТОРА

Возможно, все растущее невнимание прессы к Всемирному русскому народному собору связано не только с рутинностью этого мероприятия, но и с нежеланием всерьез обсуждать такую сложную и болезненную тему, как возрождение русского народа. Слишком легко здесь подменить анализ набором либеральных штампов или, наоборот, приблизиться к заведомо маргинальным и, чем где-либо, бессмысленным в традиционно многонациональной стране инвективам типа: Россия — для русских.

Между тем проблема, от которой никто из нас никуда не денется, была и остается: русский народ, быть может, более других был духовно и психологически разорен во времена советской власти, и это страшное саморазрушение продолжается. Обсуждение этой национальной катастрофы чаще всего отлано на откуп так называемым «патриотам» — тем, кто готов видеть ее виновников в евреях, католиках, американцах, интеллигентах — в ком угодно, но только не в себе самих.

Ксенофобия и агрессия, обида и ненависть, разрушительные и для души человека, и для души народа, становятся сегодня самым распространенным духовным состоянием наряду с апатией и глубоким унынием, и русские, теряя свою «всемирную отзывчивость», открытость и жертвенность, все более перестают быть русскими.

Те слова, которые должны были бы сегодня прозвучать как откровение — «спасение возможно только в покаянии, только на пути к Богу и в Церковь» — увы, становятся благочестивыми штампами, обсуждаются и осмысливаются лишь в контексте планов новой «симфонии» между государством и Русской православной церковью. Глядя на превратившуюся в результате советских и постсоветских экспериментов, может быть, более любого другого города страны в архитектурные и культурные руины Москву, невозможно не вспомнить слова Спасителя, обращенные к обреченному Иерусалиму: «О, если бы ты узнал время посещения твоего!»

Вряд ли можно представить себе эти слова произнесенными с высокой трибуны политиком, даже церковным, даже верующим. Когда же они все-таки звучат — в залах научных и богословских конференций — их все равно почти никто не слышит. Это значит, что будущее всех народов нашей страны, и прежде всего народа русского, по-прежнему остается под вопросом.

«СЕ, ТВОРЮ ВСЕ НОВОЕ...»

Не очень святочные размышления на Святки

Уже давно не счесть горьких слов, звучащих в христианской среде по поводу образа празднования Рождества большинством считающих нужным его праздновать людей. Привычный, укладываемый в модное у нас сегодня «секуляризация» ассоциативный ряд: предпраздничная суета, коммерческий бум, не в меру жизнерадостный, не слишком похожий на своего некогда столь чтимого прототипа Санта Клауса... Кажется, предельно ясен смысл призыва «вернуть Христа в праздник Рождества Христова», в свое время обращенный к своим соотечественникам кем-то из западных проповедников.

«Апостасийное», «теплохладное», «нетворческое» — таким букетом неслестных эпитетов мы награждаем свое время... Православные соотечественники, возвращающиеся из Голландии, почти в один голос сетуют на то, какая это секулярная, безбожная страна: до чего, мол, дожили, если на любого вздумавшего декларировать свое христианство человека там смотрят в лучшем случае с жалостливым сочувствием, а то и вовсе отказываются всерьез иметь с ним дело. В Америке, казалось бы, совсем другая ситуация: весьма религиозная по нынешним меркам страна, и эта религиозность, по некоторым данным, все растет; храмы и молитвенные дома — на каждом шагу, среди состоятельных людей считается престижным финансировать

библейские штудии... Но еще 30-40 лет назад прот. Александр Шмеман обличал эту не одно десятилетие наблюдаемую им ситуацию как «секулярную религиозность», не формирующую истинной системы ценностей и «философии жизни» миллионов ее носителей. Что до родных просторов, все их парадоксы и контрасты — от не голландски разухабистого атеизма до православия, гордо измеряемого тысячами людей, стоящих за «целебной» крещенской водой (в храмы, где в тот же праздничный день верные «согласно традиции» оказываются отлученными от Чаши Господней) — лицеем сами.

Спору нет — когда христианин недоволен окружающим миром, он в этом верен своему призванию. Но что-то с этим начинает происходить не так с того момента, когда недовольство принимает форму поиска, куда бы от всего этого — хотя бы мысленно — податься. А куда же христианину податься, как, скажем, не в средние века с их всецело религиозно определяемой жизнью и пресловутыми христианскими идеалами — не чета нынешней теплохладности? Похоже, «духовную температуру» эпохи, в которой мы не жили, мы измерили без труда и точно. И действительно, разве не естественно время господства христианизированной ментальности и веры, поколениями наследуемой множеством людей, считать однозначно более христианским, чем время, когда общество более не нуждается в

христианстве как в идеологии, а к вере нужно пробиваться в личном поиске?.. Но что-то здесь, если серьезно подводить итоги, не дает спокойно упиваться ностальгией по «старым добрым временам». Не дают этого хотя бы две картины. Толпы «добрых христиан», со всех ног бегущие поглазеть на казнь как на увлекательное зрелище, — в прошлом. Инвалид, на своей тщательно оборудованной коляске преодолевающий без посторонней помощи всевозможные препятствия в городе, — в настоящем. Какое же из времен мы согласны считать более христианским?

Две картины из двух эпох — как два штриха на двух холстах, никоим образом не могущие претендовать на обобщающие характеристики. Все, что они могут, — это лишь напомнить о сложности и нелинейности мира, о том, что возрастают оба града — град Божий и град «светский», и теория «линейного регресса» не менее несостоятельна и уязвима, чем теория «линейного прогресса». И еще — о необходимости для христиан быть благодарными Богу за время, которое дал нам Он и никто другой, за откровения, во все времена даваемые Им каждому, имеющему уши слышать.

Кажется, сегодня Господь особо напоминает нам о тайне Своего умаления, к которому Он призывает и Церковь.

продолжение статьи на стр. 6

СОБОР НЕРУШИМЫЙ

В декабре прошлого года почти незамеченными прошли заседания Всемирного русского собора, седьмого по счету. Собранные со всего мира представители русских или причисляющих себя к таковым, видимо, должны были, по мысли устроителей, достичь единства, поскольку собирались под эгидой Русской православной церкви. И уже в седьмой раз этого не получилось. Но могло ли получиться?

Вот показательный пример: выступает участник многих соборов, главный коммунист страны. И говорит, ничто же сумняся, что теперь треть РКП — верующие. Предположим. А остальные две трети? Вдруг они, по старой памяти, воинствующие атеисты? Как быть в этом случае? Да и по поводу первой трети возникает большой вопрос: не трудно ли им быть одновременно преемниками тех, кто расстреливал, строил лагеря и тюрьмы, разрушая при этом храмы, — и одновременно тех, кого расстреливали, гноили в этих лагерях и тюрьмах, и ходивших в эти храмы, и строивших их?

Кроме коммунистов в Русских соборах постоянно участвует основатель ЛДПР и еще несколько не столь «ярких», но не менее одиозных личностей. Как их объединить между собой и с другими «соборянами»? Разве что по принципу «Союза Советских...», где единство обеспечивала не вера (даже коммунистическая), а просто форма. И более того. Как заметил один из участников последнего собора, доктор исторических наук, профессор А.Б. Зубов, на соборах практически с начала их существования верх взяли те, кто хотел, не каясь и не преобразаясь, сохранить под национально-православной фразеологией привычную совковость.

Однако, чтобы не заканчивать на столь печальной ноте, позволю себе утешить читателей «Кифы» некоторыми личными воспоминаниями из более ранней истории Русских соборов. Лет десять назад автор этих строк был официально приглашен на II Всемирный русский народный собор, посвященный... борьбе за чистоту русского языка.

Вначале язык прославляли докладами и даже гимнами. Какой-то довольно известный

композитор положил на музыку знаменитые слова И.С. Тургенева о «великом, могучем, правдивом и свободном» русском языке («Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора...»), и их умирительно пропели две студентки Московской консерватории.

Затем выступавшие стали вздыхать о том, что наш бедный «великий и могучий» страдает от засилья иностранных слов (хотя в любом современном европейском языке доля «чужих» слов примерно такая же, — иначе говоря, это более-менее объективный процесс), а особенно — от канцеляризма, сленга и т.п.

И тогда, вдохновившись, я написал записку в президиум с просьбой дать мне выступить, и подписался: имярек, проректор высшей православной школы...

Собор плавно подходил к концу. Председательствующий — главный редактор «Роман-газеты», сам, правда, ничего выдающегося не написавший, но коммунист и патриот (теперь он — председатель Союза писателей России) констатировал, что повестка дня исчерпана, и вдруг... Вдруг он произнес: «Но еще просит выступить проректор МВГХШ. Дадим ему слово!». И собор одобрительно возгласил: «Дадим!».

Я взойшел на трибуну (собор проходил в конференц-зале гостиницы «Даниловская») и произнес несколько искренних, прочувствованных слов о том, что не ожидал узреть и услышать здесь такой любви к русскому языку и такой заботы о нем, и полностью согласен бороться за его сохранение и укрепление. А для этого предлагаю вспомнить знаменитое учение М.В. Ломоносова о «трех штилях» языка: высоко — для героических поэм, од и торжественных речей (где часто используются выражения из церковных книг); «посредственном», т.е. среднем — на

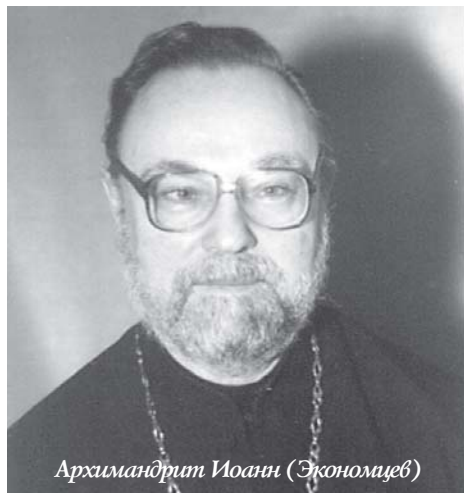
«Шитье парадной одежды». Миниатюра из рукописи XVI века «Лицевой летописный свод Ивана Грозного»

котором нужно писать серьезные литературные произведения (где таких выражений мало); и низком — для комедий, эпиграмм, дружеских писем и обыкновенных дел (где их не должно быть совсем). Михайло Васильевич надеялся, что «старательным и осторожным употреблением сродного нам славянского языка купно с российским отвратятся дикие странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков». Для русского языка XVIII века — «долитературного», «допушкинского», — такой ход выглядел вполне логичным. Теперь же нужно развить мысль Ломоносова, исходя из современных нужд. А именно: ввести русский литературный язык в богослужение, тем самым присоединив этот язык к богатейшим источникам, способным не только сохранить, но и преобразить его!

Реакция была интересной. Кто-то зааплодировал. Некоторые недоуменно загудели. И лишь один — священник, прославившийся статьей «Бойтесь учения митрополита Сурожского Антония», — возопил гласом велиим: «Это провокация!», но не был поддержан никем. Ибо, во-первых, был неправ, а во-вторых, — шел только 2-й собор, и «новые православные» еще не обрели искомого единства...

Александр КОПИРОВСКИЙ

В МОСКВЕ ПРОШЛИ XI ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ.

Архимандрит Иоанн (Экономцев)

26 января праздничная литургия в храме Христа Спасителя и торжественное заседание в Кремлевском дворце съездов открыли очередные Рождественские чтения, продлившиеся до 1 февраля.

Вот уже в течение 11 лет в конце января со всех концов России в Москву приезжают священнослужители и миряне, собирающиеся в течение недели обсуждать не только проблемы православного образования, но и самые разные стороны современной церковной жизни. Так, уже в первый день в установочном докладе архим. Иоанна (Экономцева), главы проводящего Чтения Отдела религиозного образования и катехизации, были затронуты и тема воцерковления культуры, и перспективы православной миссии: далеко не случайно доклад закончился обращением к евангельскому призыву: «Молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою».

Рождественские чтения во многом отражают и общий настрой государственной власти (представленной обычно чиновниками высокого ранга, начиная с министра образования Владимира Филиппова) по отношению к проблемам Русской православной церкви, и состояние самой церкви, представленной сотнями священников и мирян, деятелями различных синодальных отделов, руководителями епархий. Именно поэтому на них, как и в обществе, присутствуют самые неожиданные контрасты — скажем, между мрачновато-деструктивными «анти-сектанскими» и прочими «антивражескими» секциями и содержательными, глубоко интересными встречами, обсуждениями и конференциями.

Студенты, преподаватели и сотрудники Свято-Филаретовского института в течение многих лет принимают активное участие в Рождественских чтениях: в некоторых секциях — в качестве докладчиков, в некоторых — в качестве слушателей, в некоторых — в качестве наблюдателей и оппонентов.

ПОДАРКИ В ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

на конкурсе межвузовской ассоциации преподаватели и студенты СФИ получили многочисленные награды

25 января в рамках традиционного для студентов России празднования Татьянинного дня, организованного в Санкт-Петербурге межвузовской ассоциацией «Покров» (при участии Санкт-Петербургской епархии, СПбДА, совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, молодежного земского союза), Александру Копировскому был вручен нагрудный знак «Наставник молодежи».

Общение с молодыми людьми, ведущее к их подлинному воцерковлению, — непростой труд души, доступный далеко не каждому. Он требует предельной искренности, отсутствия какой бы то ни было фальши и поверхностности. Плодом многолетних трудов множества людей и, в том числе, координирующего эту работу в течение последних лет лауреата стало рождение из молодежных групп для 15-20-летних целого

КНИГУ ПРОТОИЕРЕЯ ПАВЛА АДЕЛЬГЕЙМА ОБСУДИЛИ НА ЕПАРХИАЛЬНОМ СОБРАНИИ

В Псковской епархии прошло собрание духовенства, посвященное обсуждению книги прот. Павла Адельгейма «Догмат о Церкви в канонах и практике» (подробная рецензия на книгу была опубликована в «Кифе» №3). Казалось бы, такому общему интересу к экклезиологическим проблемам можно было бы порадоваться, если бы не мрачная предыстория, заранее придавшая этому событию вполне определенный характер.

Книга о. Павла, призывающая к возрождению соборности и личной ответственности членов церкви — и клира, и мирян — за все, что происходит в ней, содержит не только богословское раскрытие догматического учения о Церкви. В качестве иллюстрации в ней приводится подробное описание нескольких конфликтов между правящим архиереем (чаще всего — вымышленным персонажем, епископом Урюпинским и Ангорским) и клириками и мирянами епархии.

Стоит ли удивляться, что архиеп. Псковский и Великолукский Евсевий, широко известный благодаря нескольким скандальным конфликтам, в том числе так называемому «делу архим. Зинова с братией», воспринял публикацию книги как личное оскорбление. Не побоявшись отождествить себя с героем книги еп. Акакием, призывающим «Восхищайтесь мною!», псковский архиерей начал планомерное преследование и книги, и автора. В начале декабря на нескольких службах в своих проповедях архиеп. Евсевий публично обвинил о. Павла в клевете. В одном из храмов города в поисках «преступной» книги был произведен обыск. Это сопровождалось на удивление «советскими» выступлениями некоторых клириков епархии: «Я не читал, но осуждаю».

В нашей современной, во многом «постсоветской», церковной действительности вряд ли стоит воспринимать это как печальную неожиданность. А вот тому, что в епархии нашлось трое священников, не побоявшихся на собрании, где епископ назвал книгу о. Павла «сатанинской», дать публичный положительный отзыв о ней, — вот этому, пожалуй, стоит радостно удивиться.

Результат собрания до сих пор неизвестен. Если вспомнить, что прещения, сгоряча наложенные архиеп. Евсеем на архим. Зинова с братией, были в конце концов сняты через его голову высшей церковной властью, можно сохранить надежду на то, что псковский архиерей не захочет повторения позорного эпизода и сам не станет доводить дела до запрещений в служении, изгнания из храма и т.п. Вот уже больше месяца в Псковской епархии все почти спокойно...

молодежного движения при Преображенском содружестве. Это движение — место встречи и диалога, живого, открытого общения молодых людей друг с другом и со старшими, общения, в центре которого стоит общий путь к Богу, в Церковь и в Церкви. На этом пути у тех, кто уже воцерковился или вырос в Церкви, есть удивительная возможность поделиться своей верой, своей радостью с еще неверующими сверстниками.

Во время празднования многочисленные дипломы и грамоты были вручены и другим преподавателям и студентам Свято-Филаретовского института: иконописцам Андрею Акимову и Марии Гальченко (+2000), мастером золотного шитья Ирине Ивановой и Татьяне Антоновой; также создателям театра «Пилигрим» Владимиру и Людмиле Мезенцевым.

На рождественской литургии в Новодевичьем монастыре

ВСЕ ВЫ, ВО ХРИСТА КРЕСТИВШИЕСЯ, ВО ХРИСТА ОБЛЕКЛИСЬ

В РПЦ возрождается главный смысл празднования Рождества — вступление в Церковь новых членов

Рождество — второй по значению после Пасхи традиционный день церковного года, когда торжественно совершается крещение новопросвещенных и Церковь радостно принимает своих новых членов, соединенных общим участием в таинстве Евхаристии. Сейчас мы часто не знаем и не помним, что именно этим ростом живого церковного тела всегда определялась и должна была бы и сегодня определяться важность и значимость главных церковных праздников. Нам иногда начинает казаться, что праздник Рождества — это только воспоминание о том, что совершилось много лет назад в маленьком иудейском городке, оказавшемся в ту ночь в центре человеческой

Преображенского содружества, в течение полутора лет помогавших оглашаемым входить в церковную традицию. В этом году не только само оглашение, но и воцерковление проводилось в разных городах. Поэтому первой литургией, в которой новопросвещенные участвовали вполне и до конца, причащаясь вместе со всеми, было не только праздничное рождественское богослужение в московском Новодевичьем монастыре. Это лишний раз подтверждает, что опыт систематической катехизации взрослых, возрождающийся в течение последних 30 лет свящ. Георгием Кочетковым, становится все более востребован в Русской православной церкви.

САМЫЙ ТЕПЛЫЙ ИЗ НЕЦЕРКОВНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Подведены итоги и намечены новые планы на новогоднем молебне в СФИ

31 декабря на новогоднем молебне в часовне СФИ собрались многие преподаватели, сотрудники и студенты Института, члены Преображенского содружества братств и его друзья. Общая молитва, придающая церковную реальность этому немного «призрачному» и светскому празднику, вот уже много лет сопровождает для этих людей размышления об итогах прошедшего и планах наступающего года. Именно этим размышлениям была посвящена проповедь ректора, свящ. Георгия Кочеткова.

Прежде всего он отметил, что многочисленные поездки и встречи, состоявшиеся в уходящем году, показали: «Дух веры Христовой везде один и тот же. Какая бы ни была история, какие бы ни были проблемы, что бы ни происходило — этот дух един, и он может преодолеть все препятствия, если только мы сами не мешаем ему». Наверное, наиболее явно это проявилось во время международной научно-богословской конференции «Духовные движения в Народе Божьем. История и современность», которая, несомненно, стала не только центральным событием прошедшего года для организовавшего ее Свято-Филаретовского института, но и заметным явлением церковной жизни.

«Впервые, кажется, нечто подобное происходило не только в Русской православной церкви вообще в православном мире, — сказал о. Георгий. — Удалось собрать удивительный спектр того многообразного духовного мистического опыта, который постоянно сопровождает все подлинные духовные движения. Нам пришлось вникнуть в то, какие опасности на этом пути присутствуют, как можно духовное движение, вдохновение,

погубить, как можно не оправдать то, что дает нам Бог.

Так как мы лучше стали понимать себя и наше Содружество братств, стали сопереживать себе с целью стать таким движением, для нас это было важно. Я не рискую говорить, что мы уже такое духовное движение, — судить о себе в таких случаях более чем опасно. Но стало вдруг ясно, что мы призваны стать таким движением. И это нас не отъединяет от церкви во всех ее традиционных институциях, но

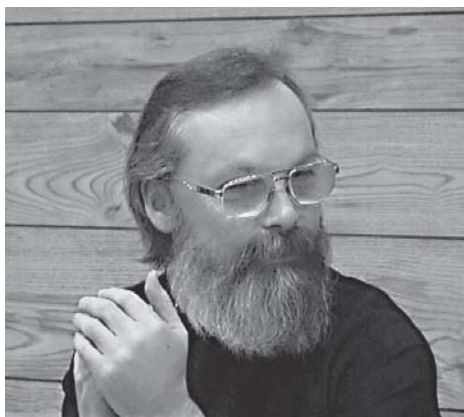

укрепляет нас в том пути, к которому призван и каждый из нас, и все мы вместе».

Эти размышления о предстоящем не только в наступающем году, но и в течение долгих лет пути удивительно сочетались с радостной и по-детски непосредственной атмосферой праздника, с последовавшими за молебном шутками, смехом, праздничной трапезой. Наверное, случайно с каждым годом все больше людей стремится участвовать в этом удивительном опыте воцерковления самого теплого из нецерковных праздников, опыте, избежавшем и выходящей за рамки традиции вседозволенности, и мрачного фарисейского отчуждения.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДОЛЖНЫ НАУЧИТЬСЯ ВЛАДЕТЬ СОБСТВЕННОСТЬЮ ПО-ХРИСТИАНСКИ

Считает духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков

— Мы знаем из истории, что у братств, и православных, и католических, и протестантских, были свои дома. Как Вы думаете, почему у такого большого братства, как то, духовным попечителем которого Вы являетесь, так долго не было своих помещений?

— Вопрос сложный, я думаю, что здесь сплелись многие факторы. Во-первых, фактор времени. Сретенское братство было образовано в 90-м году. Преображенское братство оформилось несколько раньше, но всем понятно, какие это были годы. Надеяться на то, что церковная организация получит что-то от государства, было невозможно. От церкви — тоже, сама церковь в те годы была в трудной ситуации в материальном плане. Нам самим приобрести помещение тоже не было никаких возможностей. И хотя потребность в каком-то пристанище в нашем братстве была всегда, и мы даже что-то для его обретения делали — ходили, куда-то писали, что-то просили, — это оставалось для нас в течение долгого времени вопросом не центральным. К тому же у нас самих было еще слишком много внутренних проблем.

Но годы шли, и надо сказать, что к концу 90-х — началу 2000-х годов что-то стало меняться. Братство стало взрослым, опытным, достаточно трезво оценивающим себя и ситуацию вокруг себя, и поэтому вопрос о возможности

нашего более глубокого и постоянного общения, как и о сохранении и передаче нашего опыта, встал для нас именно в связи с домом. В последний год мы постоянно думаем о том, чтобы получить, построить или приобрести собственное помещение, исходя из тех скромных возможностей, которые наше братство имеет. Я думаю, что сейчас этот вопрос для нас стал естественным.

Конечно, здесь не могли не возникнуть серьезные внутренние проблемы. Проблема христианского владения материальными ценностями — владения, которое могло бы укреплять духовный Дом в общине, братстве, церкви, — это проблема непростая. Нужно научиться владеть собственностью как-то по-новому. В духе Священного писания мы могли бы сказать: «Владеющий пусть будет как не владеющий». Это трудно. Люди привыкли относиться к собственности корыстно, только как к источнику материальных благ. С одной стороны, у нас часто пренебрегают внешним, с другой же — очень цепляются за него; пренебрегают материальным, презируют его, и в то же время часто служат ему. Быть может, только сейчас, увидев это как серьезное препятствие на пути нашей дальнейшей общей жизни, мы стали пытаться разобраться в этих проблемах.

— Несмотря на все это, в ближайшее время перспектива приобрести или

построить дом стоит для вас весьма актуально. Этот дом будет иметь какое-то свое неповторимое лицо, связанное с собирающимися жить в нем духовным движением? Можно ли уже сейчас сказать что-нибудь о чертах этого лица, сложился ли у Вас какой-то образ этого дома?

— Прежде всего, как я уже сказал, этот дом должен быть домом накопления и передачи опыта нашей братской жизни. В каком-то смысле он должен стать домом Божиим, не в смысле регулярного приходского храма —

вряд ли стоит повторять обычный приход в братском доме, — но в смысле обретения места для ежедневной братской молитвы. Такая молитва — в первую очередь, это главное. Кроме того, нам нужно иметь возможность общения в разных плоскостях, поэтому наш дом должен быть разнообразным, многофункциональным, он должен отражать дух и дела братства. Братство при этом должно научиться заботиться о материальном, используя все материальное для духовного, подчиняя материю духу. Нам нужно учиться брать на себя ответственность за то, что происходит в этом мире, который так густо материализован, часто и материалистичен. С другой стороны, излишняя спиритуализация братской жизни тоже была бы бесполезной для братства, так же, как она всегда бесполезна для всех общин и в целом для церкви.

Этот дом должен быть красивым, он должен располагать и к духовной беседе, и к общению, и к покаянию, и к молитве. Он должен быть наполнен духом общения и духом братства, братолюбия, чтобы слова ап. Павла «братство любите» могли найти отклик, в первую очередь, в этом пространстве, пространстве нашего дома.

Это касается и проблем воспитания детей и молодежи. Ведь многие до сих пор живут в маленьких некрасивых советских квартирках, в тесноте, среди хаоса, а иногда и прямого безобразия домашней жизни. Многие живут так, что не видят в доме ничего, кроме клетки, в которую они вынуждены запереться время от времени, клетки, служащей часто лишь связующим звеном, буфером между одним посещением места работы и другим. Советская жизнь строилась так, что в сознании людей должно было существовать лишь две вещи — работа на благо общества и светлого будущего человечества, практически рабская работа, рабский труд, и дом, где человек должен был лишь поспать, поесть, удовлетворить все свои естественные потребности, чтобы пораньше снова убежать на работу. Неслучайно многие советские

дома похожи на пчелиные соты: это были ночежки рабов. От этого впечатления невозможно отделаться, когда проезжаешь так называемые новостройки позднесоветского времени. Иногда по инерции и сейчас строительство в Москве, за исключением коттеджей, напоминает те же самые соты, и это печально. Братский дом должен радикальным образом изменить в сознании братьев и сестер, особенно детей и молодежи такое отношение к своему дому. Мы должны понять, что Божественное домостроительство — это не только икономия в отношении ко всему миру, это не только вклад Христа в нашу человеческую историю, это и наш вклад в строительство Его Церкви.

Именно таким образом братский дом будет связан со служением воспитания и образования детей и молодежи, как и вообще с миссией и катехизацией.

Что касается благотворительности, то чтобы ввести в дом того, кто почему-то остался сейчас без дома, тоже сперва нужно иметь этот дом. На сегодня мы иногда не можем выполнить этот императив Священного писания только потому, что нам

некуда ввести людей, нам не из чего их покормить, нам негде их пригреть, нам не в о з м о ж н о показать им нормальную жизнь.

Для всего этого и нужен дом. Это и определит его архитектуру, его образ и форму.

— Вы сказали, что сегодня очень часто к дому относятся только как к ночежке. Но не менее распространена и прямо противоположная тенденция, когда люди начинают поклоняться домашнему уюту и не готовы поступиться тем временем, теми силами, которые необходимы лишь своему дому, даже ради Бога и Церкви.

— Отчасти сейчас это существует как реакция на то убожество и ту бездомность, которую пережил наш народ на протяжении всего XX века, начиная с семнадцатого года, если не с четырнадцатого.

Нельзя забывать и того, что всегда в народе существовал принцип: мой дом — моя крепость. Это один из основных принципов языческой жизни. А так как наш народ остается пока еще в огромной степени языческим, то этот принцип цветет и плодоносит. Людям же кажется, что единственное место, где они могут быть в безопасности, где они могут быть просто самими собой, немного освободиться, раскрепоститься, где они могут делать то, чего хотят, — это их дом.

Конечно, это язычество. Чтобы его преодолеть, нужно дать людям представление о Доме духовном, который для нас, христиан, отождествляется с Церковью и в каком-то смысле с Царством Божиим (пусть оно скорее Небесный Град, но Град — это тоже некий Дом). Невозможно ощутить церковную жизнь в полноте и понести за нее ответственность, если такого образа Дома в душе человека нет и не будет. И материальный дом должен служить строительству духовного Дома. Как мы уже говорили, в этом одна из основных задач.

Люди хотят вырваться из рабства миру сему, тем же ночежкам, пчелиным сотам (только без меда), люди хотят вырваться из излишней зависимости от социума, от государства, и на этом пути они часто попадают в плен к своей семье, к своим

страстям, к своему телевизору. Очень важно, чтобы братский дом ни в коем случае

не попался на эти уловки, чтобы там не было своего «телевизора», своих страстей, какой-то своей поработочающей семейственности. Значит, он должен быть еще и по-своему открыт. Мы должны чувствовать свою ответственность перед всем тем, что окружает этот дом. Это очень важно, но требует времени, это требует в каком-то смысле даже революции — внутренней революции — в человеке, в человеческом

обществе, как и в церковном обществе, в общинах и братствах.

— Жизнь в таком доме связана еще с одним искушением — искушением обособленностью, своеобразным невидимым расколом, сектантством. Какими Вы видите пути преодоления этих опасностей?

— Я только что об этом говорил: научиться жить братством. Научиться жить в Доме духовном через дом материальный. Здесь нет ничего, что порождало бы какие-то особые, специфические искушения. Опасности есть везде. На приходе — свои, в монастыре — свои, в братстве — свои. Нам просто нужно не боясь этих опасностей, жить так, чтобы не ловиться в те ловушки, которые поставлены на дороге, не уходить в стороны, в боковые, тупиковые ответвления. Это дается через углубление церковности: через молитву, через чтение Слова Божьего, через жизнь по нему, через определенную аскезу. Быть церковным человеком — это и значит уметь вместе преодолевать все опасности.

— Дом часто связывается в сознании людей с образом протестантских, а не православных общин.

— На самом деле это предрассудок, связанный со спецификой нашего церковного бытия. Православные у нас толком ничего не имеют и еще не поняли, как им организовать жизнь в современных условиях, и поэтому живут в основном на приходах. И поэтому даже простое собрание на квартире, собрание вне храма уже подвергается сомнению, будто это что-то неправославное, протестантское, какое

хотите. Но это происходит исключительно от неадекватности многих православных и оттого, что пока еще мы, православные, не освоили те пласты

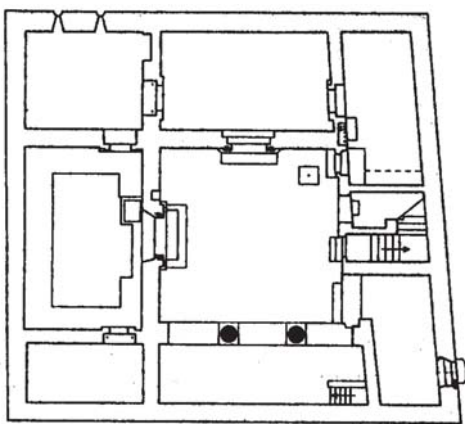
общественной и экономической жизни и культуры, которых нас, иногда совершенно искусственно, лишали в XX веке. Мы к этому привыкли. До революции было много церковных домов и молитва часто совершалась в разных местах, и это никого не смущало. За границей в православных церквях это и сегодня для всех привычно. Большинство людей понимает, что если есть разделение между христианами, то не по этим признакам. А тот, кто видит в этом признаки разделения, тот как правило, показывает свою крайнюю неопытность или невежественность. Поэтому нам нужно показать пример, не боясь обвинений, в том числе и в параллелизме церковных структур, в неправославии лишь потому, что мы проводим путь только часть своей жизни в своем доме. Первые христиане, которые иногда жили в своем доме все время, потому что у них просто не было ничего другого, считали, что это прекрасно.

— Судя по тому, что Вы говорите, Вы видите перспективу не только братского дома для Преображенского Содружества малых братств, но братских домов и вообще в церкви. Или нет? Или для этого нужны какие-то особые обстоятельства?

— Очень трудно сказать. Если будут братства, будут и братские дома, если будут общины, будут и общинные дома. Братство и община всегда стремятся к какому-то внутреннему единству, как это бывает с новой семьей, которая стремится жить своим домом. Пусть будет больше братств, пусть будет больше и братских домов, где будут звучать молитвы, где люди смогут нормально общаться, не оглядываясь назад, не отираясь друг о друга боками, где они смогут почувствовать ту соразмерность мира человеку, которая изначально была заложена в нем Богом.

**НЕСЛУЧАЙНО МНОГИЕ
СОВЕТСКИЕ ДОМА ПОХОЖИ
НА ПЧЕЛИНЫЕ СОТЫ:
ЭТО БЫЛИ НОЧЕЖКИ РАБОВ.**

**ЛЮДИ ХОТЯТ ВЫРВАТЬСЯ
ИЗ ИЗЛИШНЕЙ ЗАВИСИМОСТИ
ОТ СОЦИУМА, ОТ ГОСУДАРСТВА,
И НА ЭТОМ ПУТИ ОНИ ЧАСТО
ПОПАДАЮТ В ПЛЕН К СВОЕЙ СЕМЬЕ,
К СВОИМ СТРАСТЯМ,
К СВОЕМУ ТЕЛЕВИЗОРУ.**

DOMUS ECCLESIA - ДОМ ЦЕРКВИ

Все помнят, что Тайная вечеря, на которой Господь впервые причастил учеников Своей Плоти и Крови, происходила в «горнице большой усталанной» (Мк 14:15). Горница — это верхнее помещение дома («гора» — вверх). О подобной горнице, в которой молились апостолы по возвращении с горы Елеон после Вознесения Христа, упоминается в Деяниях апостолов (Деян 1:13). Известно также, что христиане в первые века существования церкви собирались преимущественно в домах. Но мало кто знает, как выглядели эти «домашние церкви». Здесь нам на помощь приходит археология.

В 1932 г. в развалинах сирийского города Дура — Европос был раскопан жилой дом, построенный в начале III века и перестроенный в 232 г. для нужд местной церковной общины. Взгляните на планы этого дома до и после его реконструкции (см. рис.). Сразу видно, что это место молитвенного церковного собрания (domus ecclesia, что может быть буквально переведено как «дом церкви») не имеет какой-то особой архитектурной формы. Он состоит из зала собраний, очень небольшого (5,2x13 м), не более чем на 70 человек, чуть повышенной площадкой для алтаря, комнаты для обучения оглашаемых и баптистерия (крещальни), расписанного сценами Ветхого и Нового завета — живописным продолжением оглашения. Прямо на стенах купели — Адам и Ева, выше — Добрый пастырь, на южной стене — Давид и Голиаф, на северной — Исцеление расслабленного у купели и Хожение по водам.

Как пишет известный археолог-доктор ист. наук Л.А. Беляев: «С точки зрения раннехристианской архитектуры важность этой находки невозможно переоценить, тем более, что не требовалось особых усилий для доказательства церковного характера постройки, а также и для реконструкции ее плана и интерьера».

Дом — церковь просуществовал недолго. Уже в 256 г. город был захвачен персами, полностью разрушен и больше не восстанавливался. Но после раскопок началась вторая жизнь дома: его план стали включать во все книги по истории и искусству раннего христианства.

Александр КОПИРОВСКИЙ

МЫ ПРИЗВАНЫ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ О ЦЕРКВИ КАК О ПОДЛИННОМ БРАТСТВЕ ЛЮДЕЙ

Утверждает председатель Сретенского братства Дмитрий Гасак

— Как Вам кажется, почему у Сретенского братства, так же, как и у Преображенского содружества, с которым оно связано, нет собственных помещений, где могла бы каким-то образом проходить его жизнь? Почему эта проблема встала остро именно сейчас?

— Вопрос помещений — сложный вопрос в нашей жизни. Дело в том, что когда в 1990 году было основано Сретенское братство, одной из главных целей его существования было содействие открытию православных храмов. И его жизнь не представлялась нам без братского храма. В нашей истории были и Владимирский собор нынешнего Сретенского монастыря, и Рождественский собор Рождественского

монастыря, и храм Феодора Студита у Никитских ворот, и храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. Эти московские храмы, в которых и Сретенское братство, все наше Преображенское братство (которое теперь стало содружеством), собиралось на молитву, являлись зримыми центрами нашей духовной жизни, нашего братского существования, где в приходских помещениях располагались многочисленные образовательные и просветительские, детские, благотворительные и т.п. учреждения. Но по мере того, как у нас отнимали наши храмы и помещения при них, места для братских программ оставалось все меньше. В Успенском храме, последнем нашем храме, была уже лишь одна сторожка, где умещалась небольшая трапезная, кухня и студия звукозаписи — и все. Все остальное оказалось фактически на улице. С большим трудом мы обрели небольшое помещение для Свято-Филаретовского института, он был спасен. Братские же программы так и остались «бездомными».

Но все же у нас оставался храм, место молитвы, где братство могло собираться. Когда мы были лишены и этого храма в 1997 году, это стало для нас достаточно серьезным искушением, в каком-то смысле уникальным, поскольку у нас отняли важнейшее — место общей молитвы. Большинство людей, составлявших наше Преображенское братство, пришли в Церковь уже в конце 1980-х, в 1990-х годах и не испытывали на себе гонений за веру в советское время и, соответственно, не имели опыта жизни в церкви в таких условиях. Церковная жизнь воспринималась большинством из нас как то, что непосредственно связано с храмом. Несмотря на то, что мы много говорили о преимуществе общинной и братской жизни перед приходской, о том, что братство определяется наличием братьев и сестер, а не границами места и формы, мы сами не представляли насколько наша жизнь привязана к определенному месту, к приходу, к сложившейся форме. Мы являлись, по преимуществу, обычными прихожанами, и все, что было в храме: богослужение на родном языке, настоящая христианская проповедь,

**НАШЕ БРАТСТВО
ПРИЗВАНО В СВОЮ
МЕРУ И НА СВОЕМ
МЕСТЕ УЧАСТВОВАТЬ В
ВОЗРОЖДЕНИИ И
СОЗИДАНИИ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

миссионерство и катехизация, возможность братского общения — мы воспринимали как нечто данное, не отвечали за это и поэтому не смогли достойно отстоять.

И вот нужно было устраивать братскую жизнь без своего храма, без своих помещений, без поддержки «извне», стараясь сохранить все стороны жизни. Это было трудное время, которое испытало на прочность эту жизнь. Мы должны были, с одной стороны, сохранить братство, сохранить те «узы любви», которые его созидают с другой стороны, — мы должны были остаться в церкви, в той церковной реальности, которая есть на сегодняшний день, и никоим образом не отделять себя от нее —

быть в храмах, участвовать в таинствах и т.д. Мы должны были остаться по-настоящему ответственными церковными людьми. Конечно, кто-то за это время отошел на периферию братской жизни, кто-то оставил братство и общину, но, как ни удивительно,

многие люди за эти пять с лишним лет пришли в братство. И сегодня можно сказать, что мы, с помощью Божьей и благодаря мужеству нашего духовного попечителя, это искушение выдержали. Преображенское братство сохранилось и укрепилось, выросло в целое Содружество, включающее в себя пятнадцать малых неформальных братств в Москве и других городах России. (Я даже думаю, что в прежних условиях Содружество не могло бы родиться, во всяком случае, так скоро).

Определенный путь за эти годы прошло и Сретенское братство. И вот теперь настало время вновь обрести свой братский дом, чтобы собрать в нем тот опыт, который мы обрели и которым должны послужить Церкви и всем людям. Наша братская жизнь должна, условно говоря, материализоваться, как бы воплотиться, ведь вспомним — дух воплощенный более совершенен, нежели невоплощенный. И сделать это мы должны самостоятельно, конечно, с помощью Божьей, но сами, своими силами и средствами.

— Если продолжить эту мысль, то уже сейчас, наверное, есть какой-то образ братского дома, образ, которому и предстоит воплотиться. Что будет представлять собой такой дом, какая жизнь будет в нем проходить, и что в этой жизни будет самым главным?

— Прежде всего, это должно стать общим делом Содружества, заботой всех братьев и сестер. Кроме того, я думаю, что самым главным в этом доме должно быть братотворение, собственно то, что и создает Церковь. Я имею в виду неформальные вещи, то, что в первохристианские времена отличало христиан и так удивляло язычников, которые говорили: «Посмотрите, как они любят друг друга!» Это, на мой взгляд, — главное. Сейчас настало время, когда мы должны не только

**МЫ ДОЛЖНЫ
НЕСТИ СВИДЕТЕЛЬСТВО
НЕ ТОЛЬКО САМИМ
СЕБЕ, НО И ДРУГИМ
ЛЮДЯМ**

**НУЖНО МЕСТО
ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ СОБРАТЬ
ВСЕ НАШИ БРАТСТВА**

среди самих себя, но и для всех в церкви, и в обществе свидетельствовать о Церкви как подлинном братстве людей. Это чрезвычайно важно.

Мы верим, что наше братство призвано, в свою меру и на своем месте, участвовать в возрождении и создании Русской православной церкви — это наше дело. Поэтому должно быть и место, где братство могло бы собираться, куда могли бы приходить люди и знакомиться с нашим опытом, где можно было бы вести настоящий диалог со всеми желающими, проводить различные конференции, встречи. Мы, как братство, не можем жить для себя, мы должны стать более открытыми, должны осознать, наконец, что мы на белом свете живем, а не просто в «своем кругу», пусть этот круг даже и очень большой.

Христианство потому и победило в истории, что вошло в мир открыто и несло слово Божьей Истины и правды открыто, и мы, как христиане, призваны делать то же самое. Братство не может не приносить плоды для Церкви и для всего нашего общества. Мне кажется, что нельзя об этом не думать.

Конечно, братский дом нужен, чтобы в Москве — очень тяжелом для духовной жизни городе, — было место для продолжительной, может быть в несколько дней, жизни групп, общин, братств вместе, буквально под одной крышей, чтобы вместе и молиться, трудиться, т.е. вести повседневную жизнь. Конечно, братство должно иметь место для миссионерской, просветительской и издательской деятельности. Очень важно собрать все наши детские и молодежные программы, собрать опыт воспитания детей в христианской вере и жизни, которого в церкви очень не хватает. Ведь это очень важно —

воспитать в вере именно своих детей, передать им подлинный опыт христианской жизни, а не просто бытовые традиции.

Мне думается, именно воплощение нашей общей жизни через обретение такого братского дома будет свидетельством того, что мы поняли и приняли свою церковную ответственность, сумели перестать раздваиваться или растриваться, между работой, семьей и церковью, что наша жизнь начинает, наконец, становиться единой перед Лицом Божиим в Его Церкви.

«Красный дом» (приходской дом Владимирского собора)

ДОМ

Когда осыплются окна
На тонкой старинной картине,
Пустеют ночные колодцы
В заброшенном монастыре,
Круги на поверхности лета

Качаются в розовой тине,
И счет до полутора длится,
Как ночь на скользящем столе
Был дом перекошен. Как руки,
Что с темного неба спустились,
Но следом на землю пролился
Густой, непредвиденный свет;
И в плюшевом зеркале утра
Закрытые ставни искрились,
Как ровные лица монахов,
Которым четыреста лет.
От резкого запаха мяты
Луна перестала кружиться
И только кидала монетки
К ногам подвизающих псов
Был дом перекошен, но все же
Веками не мог развалиться,
И фото его продавали
В киосках непроданных снов.

А люди спешили увидеть
Его во дворе монастырском,
И видели — правда, стоит он,
Хотя неказист и облезл;
Но что-то в нем было такое,
Что все повторяли настырно:
«Неправда! Все это неправда!» -
и дом постепенно исчез.

Андрей ГАЛАМАГА

Сторожка при храме Успения в Печатниках

ВОПРОСЫ К ДИОНИСИЮ

В Третьяковской галерее проходит выставка великого русского иконописца XV-XVI веков

С.С. Аверинцева о принципах изучения средневековой эстетики. Из нее следовало, что попытка современного человека «влезть» в средневековые проблемы, как бы отождествив себя, например, с иконописцем тех времен, равнозначна попытке слона обследовать содержимое посудной лавки (формулировка, естественно, не та, что в статье, но смысл сохранен). Потому что такой иконописец, как и вышеназванный условный посетитель выставки, тоже получится УСЛОВНЫМ. Помните опыт митр. Сурожского Антония, который в юности пытался подражать св. Арсению Великому? «И вдруг я обнаружил, что я, во-первых, не Арсений Великий, а во-вторых — не я». Но не получится и наоборот, когда мы пытаемся заставить

средневекового человека (того же иконописца) разрешать наши проблемы. Как будто у них не хватало своих... Другое дело, что какой-то «общий знаменатель» есть у всех людей, просто потому что они — люди. Да, бывает, что древний образ духовно пронзает нас насквозь, попадая, как говорится, в самую точку, в сердцевину нашей проблемы. Но это почти всегда — чудо. И когда мы с тем же великим Дионисием попытаемся, так сказать, «вести диалог», хотим свободно «обменяться мнениями», — мы гораздо чаще рискуем не понять его и самим оказаться непонятыми. Возможно ли тогда понимание вообще? Ведь, по известному выражению Ф.Тютчева, «мысль изреченная есть ложь»? Однако по этому поводу Аверинцев написал удивительную фразу: «...мы можем обмениваться вопросами, от которых вещи делаются прозрачнее». К таким вопросам мы и попытаемся перейти.

Вопрос первый. Почему висящая прямо напротив входа самая ранняя из дошедших до нас икон Дионисия «Богоматерь с Младенцем» (Одигитрия) 1482 года так непохожа на все более поздние его иконы? Откуда в изображении эта удивительная мягкость, округлость форм, чуть ли не детскость лика Богоматери при всем величии Ее образа — можно не спрашивать. Все и так понятно: прошло лишь немногим более сорока лет после смерти Рублева — иконо Андрей. Вопрос — куда это делось потом?

Понимаю, что кончилось татарское иго. Понимаю, что Москва стала «Третеримском». Что ее (его) нужно защищать стенами и башнями, «власть царска веру охраняет...», и все такое. Неужели из-за этого?

Вопрос второй. Откуда такая свобода в изображении житийных сцен (клеим) на двух огромных парных иконах святителей Московских Петра и Алексия? Вот, например, стремглав бросающийся к ногам митрополита Петра тверской епископ Андрей, осознавший свою клевету на святителя. А вот наоборот — можно сказать, как в XVIII веке: «благородная простота и спокойное величие» беседы святителя Алексия с преподобным Сергием Радонежским — при том, что здесь изображен их спор, а отнюдь не благостное единомыслие? Неужели из-за того же, что стоит в конце первого вопроса? Но почему тогда лики самих святителей на этих иконах столь маловыразительны? Только потому, что святители изображены в рост и им из-за больших житийных клеим просто не хватило места? Или не только?

Вопрос третий. Почему деисис (главный ряд иконостаса, изображающий моление святых Христу) из Ферапонтова монастыря значительно — в два раза! — уступает по высоте рублевскому из Успенского собора во Владимире (соответственно — 1,55 м и 3,14 м), хотя собор в Ферапонтове ненамного меньше владимирского?

Вопрос четвертый. Почему на «Распятии» из Павлово-Обнорского монастыря тело Спасителя дематериализовано настолько, что кажется чистым символом — почти что абстрактной «линией красоты» (по определению Хогарта, английского художника все того же XVIII века)? А на иконе, кроме привычных фигур Богоматери, апостола Иоанна, жемчужицы, сотника и ангелов, присутствуют характерные исключительно для Запада аллегорические фигуры Церквы и Синагоги (первая — рядом с Христом, вторая — уходящая от Него)?

Вопрос пятый. Почему иконы последователей Дионисия (может быть, даже его сыновей Феодосия и Владимира), как правило, меньше по размеру, и при этом — значительно декоративнее икон, приписываемых ему? Не потому ли, что именно в иконописном стиле Дионисия, по

выражению известного искусствоведа Ирины Языковой, «...древнерусская эстетика обрела свой завершенный вид»? Но что значит «завершенный» — более совершенный, чем у Рублева? Или просто — «утративший перспективу»?

Вопрос шестой. Он уже не к Дионисию, а к создателям экспозиции. Почему они решили поставить посреди зала муляж купола ферапонтовского собора с копией Пантократора работы замечательного ныне уже покойного художника Н.В. Гусева (на оригинале есть утраты, но здесь образ реконструирован)? Т.е. не почему поставили вообще (он экспонировался и раньше в Музее имени Андрея Рублева), а почему поставили так, как настоящий купол, — ликом вниз? Трудно, да и неестественно заирать голову для его осмотра, а главное — каково бедному посетителю оказаться перед огромным ликом Спасителя, рассчитанным на созерцание с расстояния примерно в 10 раз большего?

И **седьмой**, последний и совсем короткий (иначе, если продолжать, всей газете не вместить пишемой статьи). Почему так много вопросов к Дионисию, но как-то не слышны его вопросы нам? Т.е. не то чтобы совсем не слышны, но как-то «не явственно»...

Что? Да, согласен, «сам глухой». Но почему же, стоит только вернуться к первой иконе Богородицы, — и вопрос слышен? Какой? А посмотрите сами — и поймете!

Александр КОПИРОВСКИЙ

«СЕ, ТВОРЮ ВСЕ НОВОЕ...»

(начало на стр. 2)

Сегодня воля Божья не просто на то, чтобы нынешним христианам быть меньшинством среди большинства — так оно было, если иметь в виду христиан не номинальных, пожалуй, в любую эпоху. Сегодня скинуты покровы и обнажаются грани. Церковь имеет шанс увидеть себя вновь, как в первые ее века, маленькой и отделенной — на сей раз от мира, почувствовавшего себя совершеннолетним настолько, что может обойтись без веры, считающего, что у него и без нее хватает и разума, и милосердия, и вкуса к жизни. У нас, христиан, всего этого катастрофически не хватает. Так, может быть, нам стоит отличаться хотя бы умением это признать и просить свыше — только тогда мы вправе иметь надежду на то, что все это мы в конце концов обретем? А заодно и в первую очередь обретем то, что может дать только вера во Христа: неотмирность, выражающуюся в постоянном недовольстве

при непрестанном радовании, в умении жить на родине как на чужбине и на чужбине как на родине, в не любви к миру и одновременно любви к нему, причастности ему одновременно с отделенностью от него. Возможно, жизнь в таких парадоксах и называется свободой... Когда христианство и Церковь ассоциировались у человечества со свободой? Скорее, с чем угодно, только не с ней.

Откуда-то вспомнилась аналогия: христианство, обосновавшись в мире, взаимодействовало с ним по принципу сообщающихся сосудов или выравнивания потенциалов: постепенное просвещение общества и смягчение его нравов при одновременном проникновении внутрь ограды самой церкви мирских начал, уташающих в ней дух. Не получилось ли в истории так, что в какой-то точке этого процесса «христианский мир» «повзрослел» настолько, что стал в состоянии оценивать и саму взращивающую его и лицемерную им

на ее поверхности церковь? И оценил: «она хуже меня». И не простил ей этого.

Отдавая, иссякать — такое возможно только в одном случае: если не иметь в полной мере живой связи с Богом — Источником бессмертия, Любви и Свободой. Как это случилось с нами, с церковью? Винить в этом Бога, не мерою дающего Духа, не приходится. Дьявол, оказывается, тоже «во многом не виноват» — это авторитетное мнение свт. Василия Великого. Найти третий вариант — задача для нас. Пожалуй, стоит помнить, что за наблюдаемой нами дехристианизацией мира не в последнюю очередь стоит усвоение им кое-каких наших уроков при забвении нами многих уроков нашего Учителя. Пеняя миру без рожденного этой памятью собственного покаяния, мы за стремлением вновь христианизировать его рискуем в очередной раз забыть Самого Христа.

Дмитрий МАТВЕЕВ

ВЫ МНЕ ПИСАЛИ

Отклики читателей на первые номера «Кифы»

Первый номер я прочитала весь от корки до корки, но, верная своей традиции, я его читала с конца, начиная со статьи Семена Зайденберга, а потом добралась и до начала. Приятно, что «Кифа» берет довольно широкий спектр материалов — начиная от жизни в церкви, жизни в братстве, до таких важных вещей, как отношение христианина к культуре. Второй номер я прочитала не до конца еще, вернее, «не до начала», но то, что я успела проглядеть, мне тоже понравилось. Хотелось бы, чтобы «Кифа» была действительно не только внутри-братской, внутрисодружеской газетой, чтобы она была интересна для всех христиан нашей Русской православной церкви, а может быть, и других конфессий. Может быть, для этого можно было бы подавать наши же материалы, но в таком «общеэклесиологическом» аспекте. Это могло бы отражаться и в не столь «домашних» заголовках, которые включают в себя шутки очень понятные, очень живые для тех, кто их понимает, но «закрытые» даже для членов нашего же братства, которые редко бывают в нашем институте. Они уже могут этих шуток не понять и не засмеяться.

Татьяна ТЫРТЫШ

Я все время думаю, как «Кифа» соотносится с теми изданиями, которые я знаю. У меня нет сомнений в том, что для наших братицков место «Кифы» обозначилась, но, с другой стороны, я все время думаю, что она может быть какой-то миссионерской газетой. И поэтому задаюсь вопросом: как она будет смотреться другими людьми, другими глазами? Мне кажется, что не всегда удается говорить на понятном языке с читателями, не знакомыми с нашей братской жизнью, с оглашением и так далее. В этом есть плюсы и есть минусы.

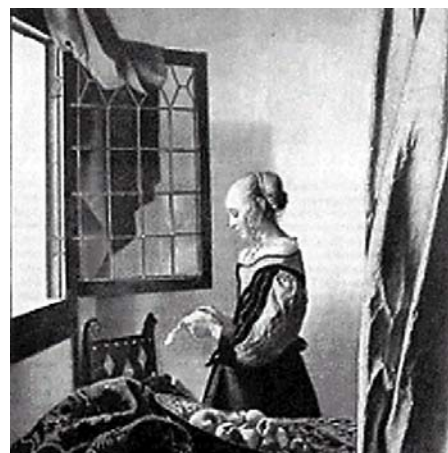
Вот скажем комментарии — они имеют слишком частный характер, то есть это мнения очень искренние, очень правдивые, очень церковные, но они не вводят человека в контекст, а, как правило, выражают сугубое личное мнение комментатора на какую-то тему. Может быть, было бы лучше, если бы каждый раз над этими словами стояло пояснение: «комментарий петербургского редактора» или «комментарий московского редактора».

И еще одна проблема — большие статьи. Статью Николая Константинова я так и не осилила целиком. От газетной привычки вообще невозможно избавиться: ты берешь первую страницу, ты берешь

последнюю страницу, а потом открываешь по очереди все страницы подряд. Я просто знаю, что это материалы хорошие, и я в них вчитываюсь, но так, внешне, они меня не цепляют никогда. Я не знаю, может быть, стоит смириться с тем, что газета не прочитывается целиком. Мне очень нравятся большие фотографии, и хочется, чтобы текст был немножко разбит, чтобы он был смысловыми кусками выделен: это играет свою роль, то есть на этом можно играть.

Еще мне кажется, что редакция очень концентрирует номера, то есть очень хороши весь материал. Получается, что каждая статья — очень важная, и из-за этого она, может быть, теряется. Наверное, иногда стоит давать даже второстепенную информацию, но высвечивать более важные статьи, чтобы они бросались в глаза, может быть, даже анонсируя их в самой газете. Мне кажется, что в каких-то номерах на этом можно даже поиграть, поскольку содружество — это как бы экспериментальное поле, и здесь можно с читателями поэкспериментировать, пока есть возможность какой-то обратной реакции.

Екатерина АЛЕКСЕЕВА

Девушка с письмом. Художник Вермер Делфтский. Около 1657 г.

Просмотрел всю газету от начала до конца. Конечно, редко бывает так, чтобы сразу все получилось. Недаром же говорят: первый блин комом... Поэтому несколько субъективных замечаний.

Может, и не обязательно, если газета называется «Кифа», непременно что-нибудь находить из Писания с упоминанием о камнях (в принципе, и так реминисценция очевидная: имеющий уши да слышит). А уж если говорить о камнях, то скорее о том, что не останется камня на камне. Ведь пророчески в перспективе второго Пришествия это более подходит для нашего времени.

Также и из названий газетных полос вряд ли стоило делать сборник цитат из Писания. Это что — постоянные рубрики или для новых тем тоже будут подбираться подходящие цитаты?

Мне кажется, при публикации отдельных материалов хорошо бы делать сноски, что взгляды автора могут не совпадать с мнением редакции или открыты для обсуждения (в случае, когда публикуются полемические, дискуссионные материалы или оригинальное мнение автора).

Далее. В организационном плане — если в настоящий момент трудно сделать веб-версию, то, может быть, имеет смысл завести форум или гостевую книгу на одном из бесплатных сайтов типа народ.ru или же прямо на сайте института?

Андрей КУЗНЕЦОВ

ОНИ ХОТЕЛИ ТОЛЬКО РАДОВАТЬСЯ

Полемика с Семеном Зайденбергом

Статья Семена Зайденберга «Oh, my Jesus» («Кифа» №1) вызвала множество откликов. Сегодня мы публикуем (в очень сильном сокращении) один из них

Пожалуй, только в Советском Союзе стараниями длинноволосых интеллектуалов LZ и DP стали на некоторое время гимном тогдашних хиппарей. Но русские люди всегда всё близко принимают к сердцу (как, например, марксизм). То же самое произошло и в СССР... Осуществилось критическое осмысление идей хиппизма, их интеграция с традицией интеллигенции (разночинцы, нигилисты, а через столетие — разговоры на кухнях и геолого-туристическая вольница 60-х с ее авторской песней), и родилась СИСТЕМА. Слово «хиппи» и слово «пила» во время зарождения движения были почти синонимичны. В отличие от остальных неформальных движений, хиппи удалось создать свой мир и утвердить альтернативный образ жизни (здесь, конечно, не обойтись без так тщательно избегаемого тобой термина «субкультура»). Сменю предположить, что разработанная нашими пилами идеология во многом превосходила свою западную предшественницу, поскольку основным толчком, приводившим людей к хиппи был по преимуществу духовный поиск, а не просто какой бы то ни было протест (попробуй попротестуй тогда). И у наших хиппи тоже была своя музыка. И этой музыкой был русский рок (очевидная параллель с западным аналогом).

Русский рок выражал дух движения, был его символом. Как таковой он сам возник внутри Системы, и её идеология гораздо чаще выражалась в песнях, нежели открыто декларировалась в виде манифестов (говорили: «рок — это не музыка, а образ жизни»). Наличие этической основы в русском роке объясняет и его критический

заряд, и преобладание социальной тематики. Люди пытались повлиять на современную культуру своим творчеством и этим изменить мир к лучшему. И хотя в музыкальном плане рок оставался еще подражательным, но уже явно выделялся его текстовый характер и содержательность (наверное, группы не имеет смысла называть). Именно поэтому англоязычный аналог (в том числе и LZ, и DP) вскоре был вытеснен на периферию Системы и дальше — в пионерско-комсомольские массы, для которых важнее были запилы, ритм, децибелы, оранье, внешность и т.д. (простите за штампы) и которые не были отягощены поиском духовного смысла (ну, может быть, разве что за исключением учеников английских спецшкол, которые еще как-то могли что-то перевести и на этом основании вообразить себе что-нибудь (что в принципе простительно из-за возраста и дефицита информации в то время)).

Но несмотря на все эти красивые идеалы и устремления, вскоре Система устремилась по американскому пути, превратившись в чисто наркотическую субкультуру, попросту — в придачок наркобизнеса. Духовный поиск был заменен наркотическим опытом: попыткой войти в мистицизм с чёрного хода, не прилагая духовных усилий, чисто технократическим, неестественным путём (когда за человека всё делает вещество). Во главу угла была поставлена абстрактная свобода (от чего-то, а не для чего-то), которая акцентировалась на эпатаже, протесте и на бродяжничестве; духовный поиск (творчество) подменялся наркотиками и принципиальным эскапизмом.

Но почему, почему? Такие идеалы, такие слова. Надо сказать, что многое в хип-идеологии пронизано религиозной тематикой. А по части коммун, флаэтов и вписок у них вообще есть чему поучиться (и, кстати, их путешествия тоже были частью серьёзной духовной активности, а не формой отдыха и

праздного времяпрепровождения — интересная деталь, не правда ли?). Охотно соглашусь, что для многих (особенно молодых людей) возникает определенный соблазн: вот оно настоящее. Любовь, свобода, цветочки, кругом братья & сестры. Но в результате — где все это? Почему все тот же печальный итог? Да потому, что и там, на Западе, и здесь, в СССР, движение считало себя **самодостаточным**. Оно считало себя шире религии (там действительно с равным уважением рассматривались все серьёзные религиозные традиции и философские течения, провозглашавшие любовь между людьми). У них была простая и комфортная философия (всех любить, никого не бояться и балдеть, балдеть, балдеть). Первым хиппи они провозгласили Иисуса Христа. Но на самом деле им не нужен был Бог. И явно и неявно не ожидали они НИКОГО. Место Христа заняли сами хиппи.

Любовь? Но любви без ответственности не бывает. Свобода? Но свобода там, где Дух Господень. А они хотели пройти по пути, усыпанному цветами, за миражем, иллюзией. Они хотели только радоваться и веселиться, а Господь наш Иисус Христос *вместо предлежащей Ему радости претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия* (Евр. 12:2). Дети восстали на родителей и сами оттолкнули Церковь (хотя, если говорить о внешнем, то протест был и против официальной церкви как части того буржуазного общества). Даже если бы Церковь и пошла «навстречу» хиппи, так сказать, в молодежные массы (что не без успеха делал в свое время и Игнатий Лойола в среде студенческой молодежи Сорбонны и Коллегии св. Варвары), не оказалась ли бы она в роли апостола Павла в Афинах, когда, *услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом слушаем тебя в другое время* (Деян. 17:32)?

Андрей Кузнецов

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКЦИИ

Впервые на страницах «Кифы» диалог вышел за рамки авторского коллектива, и это — большая радость для нас. Мы надеемся, что «читательские» страницы станут традиционными в нашей газете и призываем всех: пишите отклики! Мы будем рады и похвалам, и критике и постараемся

обнародовать любое церковное ответственное или просто компетентное мнение по обсуждаемым в газете проблемам. Многие материалы «Кифы» были написаны именно как начало разговора, и ни одну из публикаций мы не считаем истиной в последней инстанции.

Наш e-mail и почтовый адрес можно найти на последней странице, можно отдавать свои письма и лично в руки тем членам редакции, кого вы знаете.

Пишите!

НАША СИНЯЯ ПТИЦА

Традиция семейных рождественских праздников давняя. Из истории культуры прошлого времени мы знаем о домашних постановках. На рубеже XIX — XX веков из таких постановок родились и Частная Опера Саввы Мамонтова, и Московский Художественный театр, и художественное объединение «Мир искусства». Известны детские праздники в усадьбе В.Д. Поленова, домашние постановки Шекспира силами молодежи и взрослых в доме Менделеевых, где играли юный Александр Блок и Любовь Менделеева, его будущая жена. Домашний праздник-спектакль был частью художественной, поэтической, музыкальной, в целом — культурной жизни того времени.

А в церковной жизни? Есть ли необходимость в подобных постановках на Рождество или Пасху в общине, в христианском братстве? Нужно ли браться за сказки Льюиса и

личная ответственность даже самых маленьких участников.

Я никогда не забуду постановку сказки Льюиса в 1992 году, когда мы говорили о царственном достоинстве человека, о покаянии и о жертве Христа — и слезы взрослых людей, когда Эслан шел на заклание, и как Эдмунд, ныне уже 27-летний взрослый человек, просил прощения у каждого ребенка. И как мы с мужем накануне выпиливали заднюю стенку нашего платяного шкафа, чтобы открыть путь в Нарнию. В сказке Н. Лескова «Маланья — голова баранья» мы как-то особенно, вместе с детьми почувствовали, что значит бедность, умаление во имя Христа.

Пьеса Мориса Метерлинка «Синяя Птица» оказалась самой трудной. Волшебное переживание Живой Души во всем, что окружает нас, поиск тайны жизни — это первое

недоговоренность. Лишь в 1998 году, когда в журнале «Православная община» был напечатан Гимн Брату Солнцу Франциска Ассизского, и мы неожиданно для себя перечитали его по-новому, стало понятно, что найден потаенный, скрытый от самого Метерлинка источник вдохновения этой пьесы. Суть не просто в общении и узнавании души воды или души огня, а в пении хвалы Богу за сотворенный Им мир, за Свет, за Брата-Огня, Сестрицу нашу Воду, и даже за смерть, «Сестру могучую, которой не избегнет ни один живущий», если она — смерть во Христе, с покаянием и прощением ближних, в любви.

В этот год, когда задумана новая, четвертая постановка «Синей Птицы», вспоминаются слова о. Александра Меня в одной из бесед со студентами: «Помните сказку Метерлинка «Синяя Птица»? Там дети думают, что живут в убогой некрасивой хижине, на самом деле их дом необыкновенно прекрасен, в нем живут блаженства. Только, чтобы увидеть это, надо, чтобы изменилось зрение и надо пройти большой путь». Вот об этом пути мы сейчас и размышляем все вместе: скаутская дружина, которая ставит праздник, и малыши из самых младших групп детско-юношеского центра, которые придут на праздник, и дети с родителями из братства, которые тоже примут участие в празднике, — ведь у нас не бывает зрителей, все включено в действие.

Первые участники выросли, им сейчас по 14 — 19 лет. Они готовят действие и мы вместе стараемся увидеть пьесу «Синяя Птица» в культурном контексте своего времени. Читаем речь К.С. Станиславского перед актерами МХАТа по первом прочтении пьесы в 1908 году, заметки в дневниках режиссера и писателя, критические отзывы. Смотрим фотографии первых спектаклей, эскизы костюмов и декораций Е.Егорова, подбираем музыку начала XX века, проводим занятия в залах музеев по живописи и поэзии Серебрянного века. Малыши приходят на экскурсию «Свет в иконописи и живописи», пекут сами хлеб, делают свечи. Нам помогают фонды Государственной Третьяковской Галереи, музея МХАТ, музея-квартиры К.С. Станиславского, театр «Сфера».

И это оставшееся нам в наследство богатство оживает в стремлении прожить Праздник как опыт Рая, опыт личной ответственности для детей и прикосновение к тайне Боговоплощения и жертвы Христа, как путь доверия друг ко другу и благодарения Богу.

Галина СЕРОВА

СМЫСЛ В СОПРИЧАСТНОСТИ

Интервью с Борисом Каячевым, студентом МГУ

— Как избежать скучной повторяемости одного и того же сюжета в рождественских праздниках, как сделать так, чтобы и для родителей, и для детей, и для всех каждый год он был новым? Только ли поиском новых сюжетов, новых книг, которые можно было бы как-то обыграть или как-то по-другому?

— Наверное, все помнят, как каким-то образом даже ажиотажем после перестройки стали устраиваться рождественские праздники. Сейчас таких праздников стало гораздо меньше, может быть, потому что далеко не все праздники, которые тогда устраивались, могли повторяться из года в год, при этом оставаясь интересными. Я могу рассказать о своем детстве: мы три раза ставили на Рождество спектакль по одной и той же пьесе — «Синей птице» Метерлинка. И каждый раз это было что-то новое, это было интересно. Почему? Если привлекать детей только формой (в случае с театром это костюм, декорации), то какая бы интересная она ни была, ее нужно каждый раз менять, а это очень хлопотно и тяжело. Но, в конце концов, когда ребенок понимает, что за пестрым нарядом нет ничего живого, глубокого, ему все равно становится неинтересно. А вот если он на празднике является не только зрителем, но еще и как-то участвует, тогда он начинает понимать смысл. Ведь смысл церковного христианского праздника в том, что человек может соучаствовать тому событию, которое празднуется. Я помню, что наши родители, когда мы были детьми, вкладывали все силы в то, чтобы готовили праздник не они для нас, а мы — друг для друга и, когда мы уже стали старше, для других детей. При этом старались делать так, чтобы те дети, которых мы приглашали к себе на праздник, тоже максимально полно могли в нем участвовать. Когда мы ставили «Синюю птицу» в первый раз, — это было лет десять назад, нам тогда было по шесть-семь лет, — это был спектакль, где все были одновременно и актерами и зрителями. В этот спектакль входили элементы не только театрального действия, но и разные игры, гуляния, и праздничная трапеза. Когда мы, став старше, этот спектакль стали повторять и приглашать младших детей, то постарались продолжить эту традицию, и получалось так, что у нас был не один Тиль-Тиль и не одна Митиль, не одна душа собаки и душа кошки и так далее, а были, так сказать, «основные души», которые готовились серьезно, а приглашенные становились им маленькими «сопровождающими душами», и они старались вживаться в эту роль, старались тоже играть. Таким образом, получалось, что они сами участвуют в этом празднике, — и они чувствовали, что они не просто зрители и что без них, точно так же, как без кого-то еще, этот праздник мог бы не состояться. И это, действительно, интересный и важный опыт: праздник удаётся, когда нет зрителей и актеров, а есть общее действие.

СДЕЛАТЬ ПРАЗДНИК ОБЩИМ

Перед празднованием Рождества мы, взрослые, ставили перед собой цель сделать для детей Праздник с большой буквы. Хотелось сохранить само ощущение праздника. Сделать так, чтобы дети его активно прожили, а они это делают иначе, чем взрослые.

К нашей общей радости, все дети смогли чем-то поделить с другими. Самые маленькие служили по-своему: делали открытки, молились на встречах о том, чтобы это получилось. Средние дети потрудились и для маленьких, и для старших, старшие — и для средних, и для маленьких, и для взрослых. А взрослые потрудились тем, что пришли и приняли участие в празднике.

Вообще одна из особенностей детских Рождественских праздников, как мне кажется, в том, что взрослые в них немного становятся детьми. Вся история Рождества очень близка детскому мышлению, обставлена «по-сказочному», там очень яркие и красочные образы — звезда, путешествие волхвов.

Мне кажется, нам удалось сделать этот праздник общим, чтобы взрослые приняли в нем участие, как дети, чтобы, может быть, не дети тянулись за взрослыми, а чтобы взрослые немного окунулись в самую стихию детства.

Юлия ЛЕПЕХИНА,
аспирант СПбГУ, психолог

Спектакль «Синяя птица»

впечатление, которое многие из нас помнят из детства по гениальной постановке К.С. Станиславского во МХАТе. Мы первый раз играли «Синюю Птицу» 28 января 1994 года. В этот день нашу общину выгнали из храма Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Во время праздника мы уже знали, что о. Георгий вызвал к московскому викарлю — архиепископу Арсению, и что батюшка благословил довести праздник до конца. То праздничное действие было одновременно и нашей общей молитвой о батюшке и о братстве.

В 1996 году мы вновь поставили «Синюю Птицу». Казалось, что в первой постановке осталось что-то недосказанное, не выявлена Рождественская, евангельская суть пьесы, даже возникли вопросы: стоит ли браться за столь не однозначно христианские произведения. Мы сделали кульминацией действия Сады Блаженств, попытались в сказочно-игровой форме сказать о главных христианских добродетелях — и опять осталась

ЧТОБЫ ФЕЙЕРВЕРК НЕ ЗАСЛОНИЛ ВСТРЕЧИ

Наши большие братские праздники начинались, наверное, лет двенадцать назад. Это было собрание не на детский праздник, а именно всех поколений вместе, всех возрастов, даже всех наших настроений, характеров, — это была возможность увидеть друг друга.

Мы очень дорожили тем, что именно на эти большие праздники можно было пригласить духовного попечителя братства отца Георгия. Он мог прийти не на весь праздник, а только на какую-то его часть, но то, что мы были вместе, и то, что он говорил детям, — все это было действительно очень важно.

Сейчас детский праздник всего Преображенского содружества устроить уже

невозможно, — нас стало слишком много. В этом году рождественские программы для детей представляли собой длинный и очень разнообразный список, который включает в себя праздники, спектакли, поездки с подарками в больницы и детские дома и многое другое.

Мне хотелось бы рассказать лишь об одном из опытов подготовки и переживания этого праздника: 6-го января, в сочельник, малыши-дошкольники приходят в часовню Свято-Филаретовского института и приносят младенцу Христу подарки, которые они делают своими руками. Во время этой встречи в часовне совершается чтение Евангелия о рождественских событиях и краткая молитва.

Все преображено: вертеп, свечи, маленькие фигурки, музыка. Заканчивается эта встреча разговором малышей с отцом Георгием, во время которого они рассказывают не только о том, как они готовятся к Рождеству, но и как они живут, что им дорого, что им близко. Они вместе обсуждают, что значит тот подарок, который они сделали, кому этот подарок может быть передан в руки. В этом году дети и о. Георгий договорились, что это будут подарки школе и часовне (потому что это свечи, которые могут быть у елочки, у вертепа), что это будут подарки детям детского дома, которые приезжали к нам в гости, и тем, кто воцерковлялся на Рождество.

Именно эта сосредоточенность на образе дара может помочь ответить на очень важный вопрос: как сделать так, чтобы для детей это празднование стало опытом сопричастности евангельским событиям, переживанием совершающегося здесь и сейчас чуда явления миру его Спасителя, как сделать праздник для детей таким, чтобы фейерверк подарков, хороводов не заслонил самого главного — встречи с младенцем Христом, с Богом, который приходит сюда.

Маргарита БЕЛОТЕЛОВА

ПИЛГРИМ ТЕАТР ДУХОВНОЙ ДРАМЫ	каждый вторник	4.11	А.С. Пушкин «МОЦАРТ И САЛЬЕРИ» библейская метафора
	19.30	11 и 18.11	А.Мезьжиса «ПРОГУЛКИ ПО КАНАТУ» опыт духовного экзистенциализма
	билеты перед спектаклем цена 100 р.	25.11	А.Мезьжиса «ДОРОГОЙ ГОГИ»
	т. 791 45 92 - e-mail: pilgrim@newmail.ru - www.teatr-pilgrim.narod.ru м. "Кузнецкий мост" ул. Петровская линия, д.1 ДК "На Петровской линии" напротив гост. "Будавент"		

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина
Анастасия Наконечная
Евгения Спиридонова

Фото:
Анатолий Мозгов
Иллюстратор:
Татьяна Аразян

Дизайн:
Андрей Мареев
Верстка:
Татьяна Зельникова

Тел./факс:
(095) 923-03-80
e-mail:
kifa@list.ru

Тираж 999 экз.